

Научная статья

УДК 811.512.15.1'342

DOI 10.17223/18137083/77/14

Глагольные аналитические конструкции в тувинском фольклоре: специфика фонетических трансформаций

**Ираида Яковлевна Селютина¹
Азияна Витальевна Байыр-оол²
Альбина Альбертовна Добринина³**

¹⁻³ Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ siya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9457-3237>

² azikoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2844-2700>

³ ekinur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5841-4714>

Аннотация

Сопоставление процессов утраты аналитизма трехкомпонентными деепричастными конструкциями в двух проявлениях вербальной культуры этноса – в языке тувинской художественной литературы и в звучащих фольклорных текстах – свидетельствует как об активном продвижении их по пути синтетизации, так и о достаточно прочных позициях аналитизма. Динамичное ослабление позиций речевой паузации в делимитативной функции в языке героических сказаний компенсируется устойчивостью деепричастного форманта *-н*. Инновационные процессы преобразования сдерживаются стремлением к традиционности, формульности, консерватизму, свойственным эпической фольклорной традиции.

Ключевые слова

тувинский язык, глагольные аналитические конструкции, фонетические процессы, сандхи, эпос, лингвистические универсалии

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Селютина И. Я., Байыр-оол А. В., Добринина А. А. Глагольные аналитические конструкции в тувинском фольклоре: специфика фонетических трансформаций // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 181–198. DOI 10.17223/18137083/77/14

© Селютина И. Я., Байыр-оол А. В., Добринина А. А., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 181–198
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 181–198

Verbal analytical constructions in Tuvan folklore: specificity of phonetic transformations

Iraida Ya. Selyutina¹, Aziyana V. Bayyr-ool²
Albina A. Dobrinina³

¹⁻³ Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ siya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9457-3237>

² azikoa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2844-2700>

³ ekinur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5841-4714>

Abstract

The study compared the processes of loss of analyticity by three-verb adverbial participle analytical constructions in two manifestations of the verbal culture of the ethnic group: the language of Tuvan fiction and sounding folklore texts. This comparison revealed their active progress along the path of synthesis and fairly strong positions of analyticity. The complete loss of the external inter-word pause in the sound envelopes of the constructions in question indicates the active development of constructions along the path of the loss of analyticity. Nevertheless, the preservation in most examples of a strong inter-syllable pause as a vestige of the external inter-word pause indicates the incompleteness of phonetic transformation processes of these constructions. The tendency for three-verb adverbial participle analytical constructions to become synthesized in the Tuvan folklore language, with one marker being the ellipsis of the adverbial indicator *-p*, is realized with different dynamics in the main verbs and auxiliary verbs. The main verb in the composition of the constructions analyzed tends to preserve relative independence (phonetic, grammatical, lexical), while auxiliary verbs undergo complete or partial desemantization, i.e., they lose their morphological status and sound fragments. The dynamic weakening of the positions of speech pause in the delimitative function in the language of heroic legends is compensated by the stability of the adverbial formant *-p* of the main verb. The innovative processes of transformation are constrained by the trend towards stability, formulaicity, conservatism, being typical of the epic folklore tradition.

Keywords

Tuvan language, verbal analytical constructions, phonetic processes, sandhi, epic, linguistic universals

Acknowledgements

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15-2019-1884

For citation

Selyutina I. Ya., Bayyr-ool A. V., Dobrinina A. A. Verbal analytical constructions in Tuvan folklore: specificity of phonetic transformations. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 181–198. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/14

Введение

Цель исследования – выявление фонетических маркеров процессов синтеза трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций (ТДАК) в языке тувинского фольклора, определение особенностей модификаций звукового облика ТДАК на фоне тувинского литературного языка и в сопоставлении с языком шорских эпических произведений.

Изучение общности структурных преобразований в алтае-саянских тюркских языках, детерминированной единым региональным архетипом, а также анализ уникальности этих трансформаций в каждом языке как компоненте культурного кода этноса позволит расширить картину научных представлений о взаимодействии и взаимовлиянии языка и фольклора как основных составляющих вербальных культур.

Вербальная культура имеет «три пласта “глубины”»: язык, фольклор и художественную литературу, а также этнотерриториальное положение, связывающее ее с соседними культурами (территориальный аспект), генетически и типологически близкими культурами (этноструктурный аспект)». Главная особенность, определяющая все три формы словесности, – изначальная знаковая природа [Дампилова и др., 2020, с. 14].

Язык как базовая вербальная форма, элементарный код – одна из основных составляющих культуры, представляющая собой сложноорганизованную многоуровневую двустороннюю знаковую сущность, имеющую план выражения и план содержания. Каждый ярус языка имеет свою систему лингвистических универсалий: универсалии фонетические, грамматические и семантические.

Артикуляционно-акустическая база (ААБ) как система произносительных навыков и их акустических коррелятов, свойственная этносу и через этнос – языку, не являлась ранее предметом непосредственного анализа в исследованиях лингвистических универсалий.

Сетка фонико-фонологических оппозиций, сформулированных в теории ААБ, рассматривается нами как универсалия, абстрактный конструкт, реализующийся в конкретных языках в специфичных ААБ, каждая из которых характеризуется уникальным пучком корреляций и модусов и является маркером культурно-языковой идентичности.

Одним из базовых показателей при определении типологической специфики языка являются правила фонотактики, детерминируемые особенностями ААБ и формирующие как кросс-лингвистические закономерности, так и фонико-фонологическую специфику каждого языка. Алгоритмы сочетаемости звуков в потоке речи, закономерности комбинаторики, фонотактические ограничения, являющиеся языковыми универсалиями, имеют свою специфику, а их трансформации в процессе исторического развития оказывают в системе конкретных языков различное влияние на перестройку парадигматики фонем, на алломорфное варьирование, на структуру морфологических моделей.

Позиционно обусловленные фонетические изменения звуковых оболочек глагольных аналитических конструкций (ГАК), в том числе и в условиях сандхи – внешнего (на стыке словоформ) и внутреннего (на стыке морфем), составляющие предмет данного исследования и являющиеся своеобразными маркерами степени синтеза ГАК, изучались ранее В. В. Субраковой на материале хакасского языка [2005, с. 11–14; 2017, с. 29–67] и авторами статьи на инструментальных данных по трем южносибирским тюркским языкам – чалканскому, шорскому и тувинскому [Селютин и др., 2006; Уртегешев и др., 2007; 2017] и на текстах шорского героического эпоса [Уртегешев и др., 2020].

Материалом послужили произведения «Хунан Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», опубликованные в «Памятниках фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Б-К, Б-Ш, 1997) и озвученные носителем тувинского языка. В фольклорных текстах выявлено 155 предложений, включающих ТДАК различных структурно-семантических типов. Звучащий эпический текст был конвертирован

для аудитивного анализа из формата MP3 в формат WAV. Использование программы Audacity позволило сегментировать звучащее произведение, экспортируя в самостоятельные звуковые файлы контексты, включающие выявленные ТДАК. На основании аудитивного и компьютерного анализа с помощью программы SpeechAnalyzer 3.0.1 105 высказываний с аналитическими конструкциями были затранскрибированы и систематизированы.

Для точной передачи звучания исследуемых ТДАК используется Универсальная унифицированная фонетическая транскрипция В. М. Надеяева [1960], дополненная сибиреоведами.

Ниже приводится образец фольклорного высказывания, принципы подачи его в статье, а также экспериментальный материал, иллюстрирующий ряд обсуждаемых в статье фонетических процессов (рис. 1–3)¹.

(1) «Ачам арга-даа чок кел дидир, честей» – *дишкештиң, кыжырып чоруп-даа туруп-тур* [ʔk,щ.=ʃʃ̄=ʔʔp/=ʔh̄c̄ːɔ̄=ɔ̄.p./=ʔt̄(aa):=t̄^ʋ/r̄^ɑp̄=ʔʔr̄'(ɜ̄=v'ɛs')] *эвсепе аан.* (Х-К, с. 168; 4,371-6,806 мс)

‘«Зять, отец велел обязательно прийти!» – с насмешкой сказали и ушли (букв.: насмехаясь, уходили), оказывается.’ (с. 169)

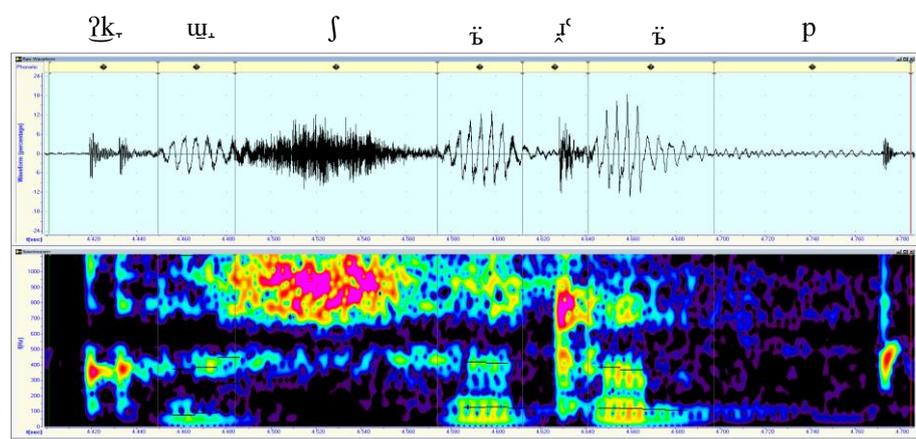


Рис. 1. Осциллограмма и спектрограмма 1-го компонента ТДАК *кыжырып чоруп-даа туруп-(тур)* ‘с насмешкой сказали и ушли’

Fig. 1. Oscillogram and spectrogram of the 1st component of three-component adverbial participle analytical construction *кыжырып чоруп-даа туруп-(тур)* ‘they said with a sneer and left’

¹ ТДАК, анализируемая в рассматриваемом предложении и маркируемая порядковым номером примера (1), в фольклорном произведении и в переводе выделяется полужирным курсивом. В транскрипции деление слова на слоги представлено следующим образом: знак равенства (=) означает слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой умеренной паузе; знак (/=/) – две косые линии с заключенным между ними знаком равенства – слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой сильной паузе.

Сведения, приведенные в круглых скобках после предложения, означают следующее: аббревиатуры Х-К – тувинское героическое сказание «Хунан Кара», Б-К, Б-Ш – «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей»; далее указывается номер страницы в книге; следующий комплекс чисел означает начало и – через дефис – конец звучания ТДАК (в миллисекундах) в контексте звукового файла.

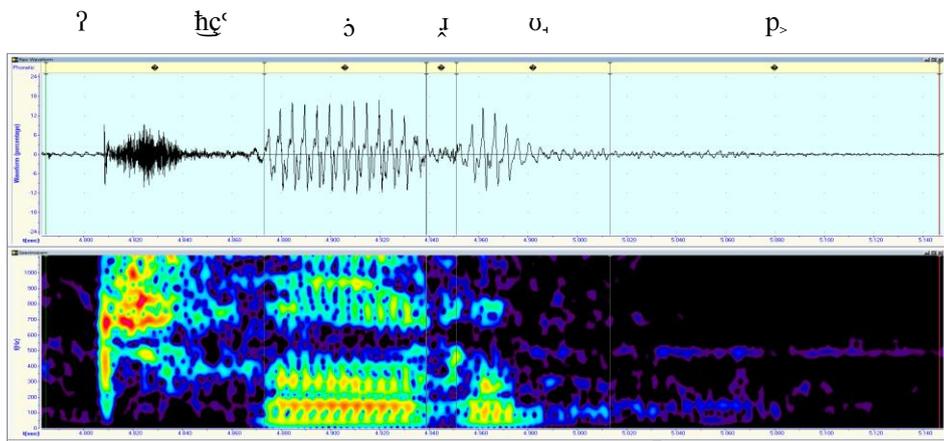


Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма 2-го компонента ТДАК кыжырып чоруп-даа туруп-(тур) 'с насмешкой сказали и ушли'
Fig. 2. Oscillogram and spectrogram of the 2nd component of three-component adverbial participle analytical construction кыжырып чоруп-даа туруп-(тур) 'they said with a sneer and left'

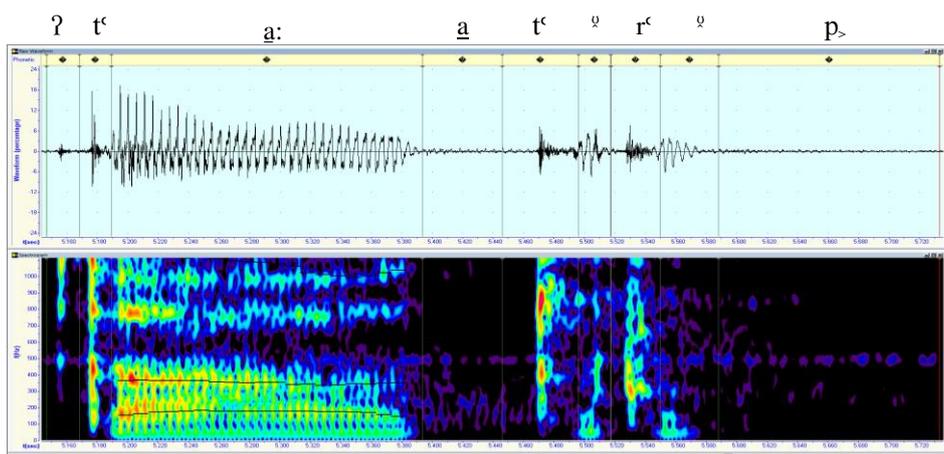


Рис. 3. Осциллограмма и спектрограмма 3-го компонента ТДАК кыжырып чоруп-даа туруп-(тур) 'с насмешкой сказали и ушли'
Fig. 3. Oscillogram and spectrogram of the 3rd component of three-component adverbial participle analytical construction кыжырып чоруп-даа туруп-(тур) 'they said with a sneer and left'

Инвентари тувинских ТДАК

Поскольку в центре внимания авторов статьи находятся фонетические преобразования в звуковом оформлении глагольных аналитических комплексов, функционирующих в тувинском фольклоре, мы не ставили перед собой задачи выяв-

ления исчерпывающего инвентаря тувинских ТДАК и определения их структурно-семантических характеристик.

Наше исследование базируется на классификации трехкомпонентных АК, предложенной Л. А. Шаминой в работе «Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке» и представленной в табулярном виде [Шамина, 1995, с. 37–38].

Выполненный ранее фонетический анализ ТДАК на материале произведений тувинской художественной литературы (Даржай, 1984; Сүрүң-оол, 1994) позволил выявить в текстах образцы 18 аналитических конструкций из 26, представленных в классификации Л. А. Шаминой [Уртегешев и др., 2017, с. 231–233]. Их инвентарь в формульном виде приведен ниже (порядковые номера ТДАК соответствуют номерам конструкций, систематизированных в цитируемой таблице)².

1. {Tv=п + ЧОРуп} тур=, 2. {Tv=п + ЧОРуп} олуp=, 3. {Tv=п + КААп} чор=, 5. {Tv=п + КААп} тур=, 6. {Tv=п + КЭЭп} тур=, 8. {Tv=п + БАР=/КЕЛ=} чыт=, 11. {Tv=п + ЧЫДып} кал=, 13. {Tv=п + ЧОРуй} бар=, 14. Tv=п + {ТУРуп бер=}, 16. Tv=п + {КИРе бер=}, 17. Tv=п + {ЧЕДе бер=}, 18. Tv=a + {ХОНа бер=}, 19. {Tv=п + КИРип} кел=, 20. {Tv=п + ЧЕДип} кел=, 21. {Tv=a + ХОНуп} кел=, 23. {Tv=a + СОП / ТЫРТ / ШАП} ал=, 25. {Tv=п + БЕРип} КӨРем, 26. {Tv=п + АП} бол=.

Анализ звучащих текстов позволил установить, что 15 из приведенных аналитических конструкций используются как в литературных, так и в фольклорных произведениях. Три из выявленных в литературе конструкций в фольклорных произведениях не зафиксированы: 3. {Tv=п + КААп} чор=, 5. {Tv=п + КААп} тур=, 11. {Tv=п + ЧЫДып} кал=. С другой стороны, три ТДАК, констатированных в языке фольклора, не встретились в проанализированных авторами произведениях художественной литературы: 4. Tv={п + БАР=} чор=, 7. Tv={п + БЕРип} тур=, 12. {Tv=п+ ЧОРуп} каг=. Таким образом, в рассматриваемых эпических сказаниях, так же как и в литературных сочинениях, выявлено 18 ТДАК, различия в их инвентарях незначительны.

Абсолютная и относительная частотность ТДАК в литературном языке и в эпосе

Статистический анализ текстов по показателям абсолютной (АЧ) и относительной (ОЧ) частотности тривербальных аналитических конструкций проводился на материале романа С. С. Сюрюн-оола «Тывалаар кускун» (1994), с одной стороны, и эпического сказания Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей (1997), с другой.

В «Тывалаар кускун» анализировались 100 страниц (6–106), в «Боктуг-Кириш...» – 102 страницы (298–502). С учетом фактора различной плотности печати, при подсчете АЧ ТДАК в эпосе был применен коэффициент поправки (КП) – 1,87.

Проведенный статистический анализ свидетельствует о значительно более высокой – в 3,87 раза – встречаемости ТДАК в фольклорном произведении (см. таблицу и рис. 4, 5): если в художественном произведении выявлено 54 примера ТДАК, то в эпическом сказании – 112, но с учетом КП – 209 вероятных случаев употребления аналитических конструкций.

² Здесь и далее Tv – основа глагола.

Абсолютная и относительная частотность основных типов ТДАК
в языке художественной литературы и в героическом эпосе тувинцев
Absolute and relative frequency of the main types of three-verb adverbial participle
analytical constructions in the language of fiction and in the heroic epic of Tuvan

№	ТДАК	Художественная литература		Героический эпос		
		АЧ	ОЧ, %	АЧ	АЧ (с КП)	ОЧ, %
1	1 {Tv=π + ЧОРуп} тур=	8	14,81	3	6	2,68
2	2 {Tv=π + ЧОРуп} олур=	2	3,70	20	37	17,86
3	3 {Tv=π + КААп} чор=	1	1,85	–	–	–
4	4 Tv={π + БАР=} чор=	–	–	5	9	4,46
5	5 {Tv=π + КААп} тур=	2	3,70	1	2	0,89
6	6 {Tv=π + КЭЭп} тур=	4	7,41	–	–	–
7	7 Tv={π + БЕРип} тур=*	–	–	–	–	–
8	8 {Tv=π+БАР=/КЕЛ=} чыт=	9	16,67	5	9	4,46
9	11 {Tv=π + ЧЫДып} кал=	1	1,85	–	–	–
10	12 {Tv=π+ ЧОРуп} каг	–	–	12	22	10,71
11	13 {Tv=π + ЧОРуй} бар=	11	20,37	19	35	16,96
12	14 Tv=π + {ТУРуп бер=}	1	1,85	10	19	8,93
13	16 Tv=π + {КИРе бер=}	3	5,56	2	4	1,79
14	17 Tv=π + {ЧЕДе бер=}	2	3,70	8	15	7,14
15	18 Tv=a + {ХОНа бер=}	1	1,85	1	2	0,89
16	19 {Tv=π + КИРип} кел=	–	–	1	2	0,89
17	20 {Tv=π + ЧЕДип} кел=	–	–	2	4	1,79
18	21 {Tv=a + ХОНуп} кел=	4	7,41	3	6	2,68
19	23 {Tv=a + СОП/ТЫРТ/ ШАП} ал=	3	5,56	18	33	16,07
20	25 {Tv=π + БЕРип} КӨРем	1	1,85	1	2	0,89
21	26 {Tv=π + АП} бол=	1	1,85	1	2	0,89
Всего		54	100,0	112	209	100,0

* ТДАК 7 Tv={π + БЕРип} тур= зафиксирована лишь в тексте героического сказания «Хунан-Кара», не вошедшего в выборку, на базе которой построена данная таблица.

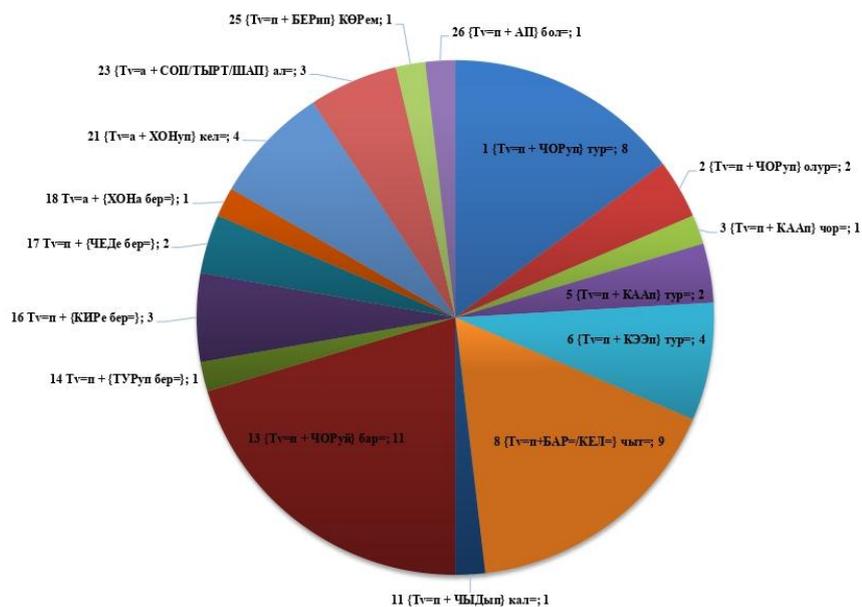


Рис. 4. Круговая диаграмма частотности ТДАК в художественной литературе
 Fig. 4. Pie chart of the three-verb adverbial participle analytical constructions' frequency in fiction

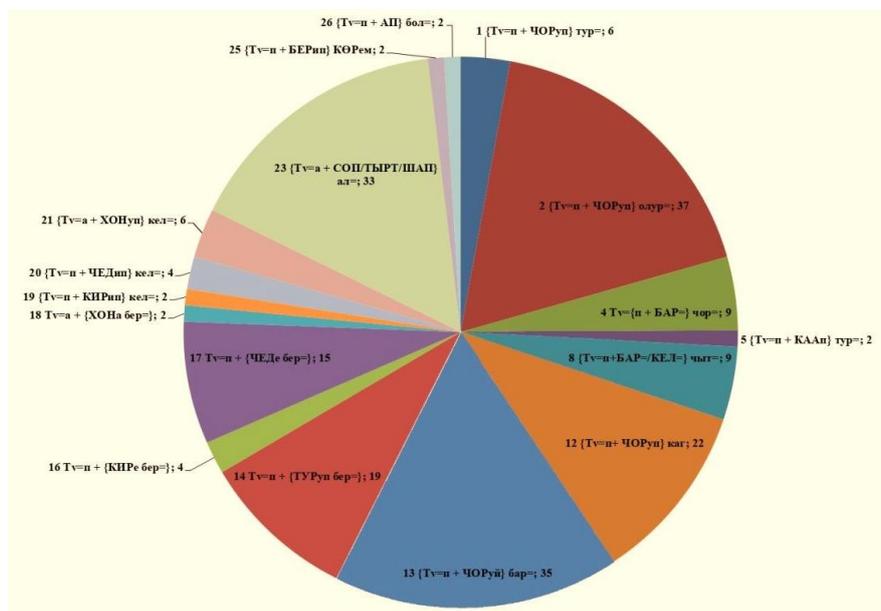


Рис. 5. Круговая диаграмма частотности ТДАК в героическом эпосе
 Fig. 5. Pie chart of the frequency of three-verb adverbial participle analytical constructions in the heroic epic

Фонетические трансформации ТДАК

Исследование процессов синтеза ТДАК в южносибирских тюркских литературных и разговорных языках – чалканском, шорском и тувинском, а также в языке шорского героического эпоса показало, что фонетическими маркерами протекания этих процессов являются «межсловные и внутрисловные паузы между компонентами ГАК, выпадение аффикса деепричастия основного глагола *-(ы)л*, ассимилятивные процессы озвончения, оглушения, палатализации, смены сингармонического ряда, реализующиеся во вновь сформировавшемся фонетическом контексте» [Уртегешев и др., 2020]. Ниже приведены результаты анализа модификаций звукового оформления ТДАК в тувинском фольклоре.

Межсловная и межслоговая пауза

В тувинских эпических текстах во всех проанализированных аналитических по происхождению ТДАК (105 примеров) словесная пауза между основным (ОГ) и вспомогательными (ВГ) глаголами полностью устранена, тривербальный комплекс перцептивно осознается как единое слово с различной степенью стяженности ОГ и ВГ.

В подавляющем большинстве случаев (101 пример) ТДАК реализуются с сильной межслоговой паузой, восходящей к внешней межсловной. Исключение составляют отмеченные в Б-К, Б-Ш 4 примера с беспазуальной реализацией, демонстрирующей завершившийся процесс стяжения тривербального комплекса в единое фонетическое слово, сохранившее лишь умеренные межслоговые паузы.

При этом в 74 примерах (из 101) ТДАК произносятся лишь с одной сильной межслоговой паузой. Максимально частотной локализацией такой паузы является позиция после основного глагола (67 примеров из 105):

(16)³ *Кайы углап бар чыдар* [(k, 'x: /j)ö=ög,=lärp/=p'ä:=z'ë=däx'] *чүве сен?*
(Б-К, Б-Ш, с. 380; 2,909-3,913 мс)

‘Куда **направляешься-едешь?**’ (с. 381)

Исключение составляют конструкции со вспомогательными глаголами *бер* и *тур* (5 примеров ТДАК типа: 7. Tv={п + берип} тур= и 14. Tv=п+ {ТУРуп бер=}), в которых единственная сильная пауза отделяет комплекс ОГ + 1-й ВГ от 2-го ВГ:

(18) *Карарты сүрүп берип турган* [°s:°'y=ı°'yр,=p°'ë=ı'ı.p,/=ŋı°'ı/ı°'ı= ɑ'λ'fn:]⁴
мен. (Х-К, с. 132; 3,218-4,512 мс)

‘Я **пригонял** [за невесту] многочисленный скот.’ (с. 133)

Ещё в двух примерах единственная сильная межслоговая пауза в ТДАК либо отделяет составные части парного основного глагола (6. Tv={п + кээп} тур=), ли-

³ Здесь и далее номер примера соответствует номеру высказывания в выборке трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций из тувинских героических сказаний.

⁴ Здесь и далее надстрочный знак °{ } перед фигурной скобкой означает фарингализованное произношение заключенного в скобки текста; надстрочный знак °{ } – эпиглотталлизованное произношение; надстрочный знак °{ } – фарингализованное и эпиглотталлизованное произношение.

бо локализуется перед 2-м ВГ с модальной частицей *-тыр* (12 {Tv=п+ ЧОРуп} каг):

(20) *Кара-кара булуттар көжүгүн-хайныгып-ла кээп тур* [k'ö=ʒ'ü= ʏ.ò:ʃòp,/=/ x.äj=niü.=ʏ.ʁ.ʁ.=l.ä.=k:(εʃ^ε):p'=ʔt^ö/ʃ'(ʒ=v'εs')] *эвеспе аан.* (X-К, с. 230; 2,442-4,41 мс)

‘Тут черные-черные тучи **надвинулись, заклубились**, оказывается.’ (с. 231)

Значительно меньшую группу (25 примеров из 105) составляют ТДАК с двумя сильными межслоговыми паузами. При этом чаще всего (13 из 25) сильная пауза размещается после ОГ и после 1-го ВГ. В некоторых случаях появление паузы после ВГ обусловлено постпозитивной частицей *-ла, -тыр, -даа*, в семи примерах (из 13) сильная пауза разделяет вспомогательные глаголы *тур* и *бер*:

(39) «*Черле адын көрейн, хааным?*» – *дээш, чаннып туруп берген* [hç^ö=nʃ.ʁb/=ʃ{t^ö/ʃ'ò.p,/=p'ε̄.ä/ʏ.εʔn:ʔn^ç}. (Б-К, Б-Ш, с. 342; 3,466-4,513 мс)

‘Все же можно я выстрелю, хан мой?’ – [мальчик] **стал умолять.**’ (с. 343)

Таким образом, хотя в звуковой оболочке тривербальных глагольных комплексов, звучащих в тувинских эпических произведениях, внешняя межслоговая пауза полностью устранена, что свидетельствует об активном продвижении ТДАК по пути утраты аналитизма, тем не менее сохранение в подавляющем большинстве примеров сильной межслоговой паузы как рудимента внешней межслоговой указывает на незавершенность процессов фонетической трансформации ТДАК.

Утрата аффикса -(ы)п деепричастной формой основного и вспомогательного глаголов ТДАК

В звучащих текстах тувинских героических сказаний «Хунан Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» выявлено 87 высказываний (из 105) с тривербальными аналитическими конструкциями, включающими деепричастия на *-(ы)п* в функции основного глагола. Почти во всех примерах (83 из 87) показатель деепричастия *-(ы)п* сохранился:

(5) «*Бир бергени аштым эвеспе*» – *деп, боданып чоруп олуруп-тур* [p'ö=dä=niʁ,/=hç^öʃ'=ʃ'ö=lɔ=ʔòp,/=t'òʃ]. (Б-К, Б-Ш, с. 364; 3,1-4,0 мс)

‘Едет и думает: «Одно состязание я выиграла».’ (с. 365)

Лишь в четырех (из 87) предложениях аффикс *-(ы)п* деепричастной формы ОГ утрачен:

(34) *Элеңнедип чедип келгештиң* [ʔ^hʒ=l'z=n'ë.=d'ɔ^ʔʃ'ɔ^ʔ/=ʃ{hç^ε=d^ç ʃ.ʁ'ɛl=çɛʃ=t^çnɳ}], ... (X-К, с. 142; 0,831-2,295 мс)

‘**Покачиваясь** [в стременах], к нему **подъехал** (букв.: подъехав), ...’ (с. 143)

В звуковой оболочке вспомогательных глаголов, входящих в состав ТДАК, аффикс *-(ы)п* несколько менее устойчив: из 76 предложений, в которых оба ВГ или хотя бы один из них восходят к деепричастной форме глагола на *-(ы)п*, этот грамматический показатель сохранился в 48 примерах.

Тенденция к синтезации ТДАК в языке тувинского фольклора, одним из маркеров которой является эллизия показателя *-(ы)п*, реализуется с различной динамикой на материале основных глаголов, с одной стороны, и вспомогательных, с другой. Если в составе ОГ аффикс *-(ы)п* сохраняется устойчиво (он утрачен лишь в 4 примерах из 87), то процесс трансформации звуковых оболочек вспомогательных глаголов в составе ТДАК путем выпадения *-(ы)п* и последующего стяжения глаголов в одно ритмическое целое активно развивается: из 76 потенциально возможных случаев употребления аффикса *-(ы)п* 28 не реализованы, т. е. апокопе подверглись 36,8 % рассматриваемых показателей.

Другие фонетические процессы как маркеры синтезации ТДАК

Выявленные в звучащих тувинских фольклорных текстах преобразования звукового оформления ТДАК детерминируют формирование нового фонетического контекста. Исследования, проведенные авторами данной статьи на материале чалканского, шорского и тувинского языков художественной литературы, а также шорского героического эпоса, показали, что в результате трансформаций ауслатные или анлаутные глухие согласные, оказавшись в интервокальной или постсонантной позиции, в соответствии с законами тюркской фонетики, как правило, озвончаются.

Для тувинского консонантизма оппозиция фонем по *работе голосовых связей* не является релевантной, система структурируется противопоставлением единиц по артикуляторной напряженности: сильные / слабые / сверхслабые фонемы; звонкость / глухость – конститутивные, но не дифференциальные признаки фонем.

Ниже представлены примеры фольклорных текстов, иллюстрирующие различные стадии процесса ослабления аффикса деепричастия *-(ы)п* в составе ТДАК вплоть до полной его утраты. Наиболее частотными реализациями ауслатного *-п* являются исходный сильный глухой смычно-взрывной согласный «р» ((1) Б-К, Б-Ш) и его имплозивная модификация «р̣» ((14) Б-К, Б-Ш), исторически являющаяся первой ступенью на пути к ослаблению артикуляторной напряженности форманта *-п* «р». Зафиксированы также слабые глухие «ф̣» ((11) Х-К), звонкие смычно-взрывные «b (ḅ)» (там же) и имплозивные «ḅ» ((67) Б-К, Б-Ш) манифестации фонемы [р]. Следующим шагом в процессе фонетической трансформации деепричастной морфемы *-п* является чередование шумных – сильных («р», «р̣») и слабых («ф̣», «b (ḅ)») оттенков фонемы с их малошумным сверхслабым коррелятом «т» ((15) Х-К). Дальнейшее ослабление артикуляции финального согласного деепричастия обусловило спирализацию смычной настройки и появление щелевых реализаций – шумного слабого «v» ((63) Б-К, Б-Ш) и малошумного сверхслабого «ṿ» ((58) Б-К, Б-Ш). Следствием выявленных в отдельных примерах случаев количественной редукции «ṿ» ((26) Х-К) сверхслабых вариантов «ṿ» является полная утрата фонации, зафиксированная инструментально лишь как рефлекс работы голосовых связей « $\underset{\sim}{v} \sim \underset{\sim}{v}$ » ((29) Х-К), реализующийся на осциллограммах и спектрограммах в виде отдельных звонких или глухих фрагментов артикуляции. Завершающим этапом ослабления форманта *-п* является полная его утрата ((16) Х-К):

(1) *Боктуг, Бора алышкылар ол ынчап ойнап чоруп тургаи* [ɔj=pɫp/=/
ħɕʰɔ̣ːɾ=tʰoɾʰ=ɣ.ɑʃː]. (Б-К, Б-Ш, с. 304; 2,6-3,6 мс)

‘Брат с сестрой – Боктуг и Бора – все так же **играли** (букв.: играя)’. (с. 305)

(14) *Өлүрүн билбес өөрүп бар чыдар* [ʔ̥ö:/ɫ'ÿp̥-/=/p̥'λ:=z̥b̥=d̥'äɾ', чөгөн-чиин-даа. (Б-К, Б-Ш, с. 362; 1,540-2,503 мс)

‘Вот малец: **радуясь, идет**, а не знает, что ему смерть!’ (с. 363)

(11) *Ужудуп-халыдын чоруп орган* [ʔ̥{u=z̥ö,=d̥'öb̥'=/x,λ=ɫ,=d̥'q̥b̥/=/h̥c̥'ö,=ɾ̥'ö:/ɾ̥'λ₁=x,λ₁=p̥(ɛ,ɾ̥')}] *иргин ийин*. (Х-К, с. 236; 0,782-2,694 мс)

‘Он **мчался-скакал**.’ (с. 237)

(67) *Арга-сүмеден айтырып берип көрүңер* [ʔ̥äʔ̥äʔ̥j=t̥ʰ/ɾ̥b̥ʔ̥b̥-/=/p̥'ε:=ɾ̥'ɫ, p̥'c̥=k̥'ö,=ɾ̥'ö,=p̥'εɾ̥::], *ирем?* (Б-К, Б-Ш, с. 374; 1,599-2,988 мс)

‘Вы, пожалуйста, что-нибудь **посоветуйте**, дедушка!’ (с. 375)

(15) *Ай, хүн ышкаш чырыткыланьп чоруп олурап* [h̥c̥'λ₁=ɫ̥d̥'q̥=k̥,ɾ̥'ɫ=niim/=/ʔ̥{h̥c̥'ö,=ɾ̥'ö/λ₁=ɾ̥'λ̥f::}], ... (Х-К, с. 272; 1,722-3,240 мс)

‘**Сияющая**, словно солнце-луна, ...’ (с. 273)

(63) *Бора-Шээлей чанагаиштаньп каапкаш, аъдын чавыдактай сон алгаиш* [ʔ̥{ʔ̥h̥c̥'λ=y,däx,ʔ̥'=/t̥'εj=s̥'ö,=vλ,ɫ=x,λ₁f}], (Б-К, Б-Ш, с. 420; 2,897-4,324 мс)

‘Бора-Шээлей, раздевшись, на неоседланного коня **вскочила**.’ (с. 421)

(58) *Кодан дег борбак дашты хоора сон алгаиш* [ʔ̥{x,ö,=ɾ̥'λ/=/s̥ö/vλ,ɫ=y,λ̥f::}], ... (Б-К, Б-Ш, с. 322; 2,745-3,989 мс)

‘Камень округлый величиной с зайца от [скалы] **оторвал** (букв.: оторвав),...’ (с. 323)

(26) *Чалчай кара эзерин-даа соя сон алгаиштың-даа* [ʔ̥{s̥'ö,=jə/=/s̥'ö/λ¹l=ʔ̥'λ̥f=t̥'ÿp̥=d̥'λ̥'λ̥}], ... (Х-К, с. 169; 2,240-3,666 мс)

‘**Снял** (букв.: сняв) скрипучее большое седло,...’ (с. 169)

(29) *Улуг кара селемезин ап алгаиштың, кылаиштан чоруй баргаиш* [ʔ̥{ʔ̥k̥'λ̥f=t̥'λ̥/=/h̥c̥'ö=ɾ̥'ε=vλ=ɾ̥'ö/γ,λ̥f::}], (Х-К, с. 88; 2,417-3,633 мс)

‘Большую крепкую саблю в шестьдесят саженой [длиной], **шагом отправился** (букв.: отправившись).’ (с. 89)

(16) *Соондан ак ас бооп алгаиш, дыңнап чоруп олурган* [t̥'ÿ=n̥.ä:ʔ̥ʔ̥'λ̥/=/ʔ̥{t̥'ö,=ɫ,=ɫ̥'ɾ̥'λ̥'λ̥f=(n̥)}] *иргин ийин*. (Х-К, с. 272; 2,704-3,794 мс)

‘[Хунан-Кара], обратившийся в белого горностая, **шел** за ней, **слушая**.’ (с. 273)

Инструментальные исследования тувинской речи (сут-хольский говор) показали, что на фоническом уровне начало слова выделяется большей напряженностью аллофонов, а конец слова – напряженностью и длительностью [Кечил-оол, 2006, с. 326]. Фиксируемое в языке современного героического эпоса ослабление ауслатного *-(ы)п*, а также анлаутного *б-* вспомогательных глаголов ведет – на фоне уже состоявшейся модификации межсловной паузы в межслоговую – к замещению позиции внешнего сандхи внутренним, к слиянию компонентов ТДАК, порождению новых фонетических условий, генерирующих перераспределение сло-

межсловной паузы, выполнявшей делимитативную функцию между вербальными компонентами конструкций, доминирование умеренных межслоговых пауз, преобразование контекста внешнего сандхи во внутреннее указывают на существенное продвижение ТДАК по пути синтеза в эпосе относительно литературного языка.

Общность развивающихся трансформаций ТДАК в двух ипостасях вербальной культуры тувинцев проявляется в активно развивающейся тенденции к сохранению относительной самостоятельности (фонетической, грамматической, лексической) 1-го компонента ТДАК – основного глагола, с одной стороны, и десементизации, утрате морфологического статуса, выпадению фрагментов вспомогательных глаголов, с другой.

Что касается 2-го основного маркера процессов синтеза тувинских ТДАК – сохранения или утраты деепричастного аффикса *-(ы)л*, то в языке художественной литературы он устойчиво воспроизводится лишь в наименее частотных конструкциях 3-го класса. Реализация форманта *-(ы)л* в условиях утраты основного фонетического показателя аналитизма – внешней паузы – является фактором сопротивления комплексов рассматриваемого класса активно развивающимся процессам грамматикализации. Остальные типы ТДАК отличаются нестабильностью употребления аффиксов *-(ы)л*, утративших свою семантику в составе конструкций.

В фольклорных произведениях, как было показано выше, устойчивость ауслатунной деепричастной морфемы в составе ТДАК значительно выше: в 83 из 87 высказываний с тривербальными аналитическими конструкциями, включающими деепричастия на *-(ы)л* в функции основного глагола, аффикс последовательно реализуется.

Таким образом, на материале ТДАК 3-го класса в литературном языке и по данным фольклорных произведений можно констатировать закономерность определенной взаимокомпенсации доминантных маркеров степени синтеза аналитических глагольных конструкций: чем менее устойчивы показатели паузации – межсловной и межслоговой, тем более сохранены форманты деепричастия *-(ы)л*.

Специфика фонетических трансформаций АК в тувинских эпических произведениях в сопоставлении с шорскими

Кроме внутрисистемного исследования фонетических трансформаций ТДАК в рамках конкретных южносибирских тюркских стандартных языков, выявления их специфики на фоне языков фольклора, несомненный интерес представляют сопоставительно-типологические разработки, направленные на поиск общих межсистемных универсальных тенденций и единичных закономерностей. Сопоставление проводилось на материале тувинских и шорских героических сказаний.

Статистический подсчет АЧ и ОЧ шорских ГАК в текстах художественной прозы из сборника «Чедыген», с одной стороны, и в эпическом сказании «Күннү көргөн Күн Кёök», с другой, свидетельствует о значительно более высокой (в 3,8 раза) встречаемости ГАК в фольклорном произведении [Уртегешев и др., 2020, с. 150–152].

Аналогичное соотношение показателей частоты встречаемости ТДАК в фольклорном и литературном произведениях констатируется и для тувинской вербальной традиции: в героическом сказании трехглагольные конструкции употребляются в 3,87 раза чаще. Объясняется более высокая частотность АК в языке

фольклора следованием эпической традиции устойчивости, стабильности и консервативности [Кузьмина, 2019, с. 18].

Сопоставительный анализ текстов шорских и тувинских героических сказаний по параметрам реализации доминантного фонетического признака – речевой паузы, маркирующей процессы синтагматизации АК, позволил выявить как общность происходящих преобразований, так и уникальность их реализации в каждой из этнических культур.

И в шорском, и в тувинском эпосе во всех аналитических конструкциях делимитативная словесная пауза полностью утрачена, констатируются различные этапы стяжения глаголов. В обеих фольклорных культурах АК реализуются с межслоговыми паузами – сильными или умеренными, генетически восходящими к внешним межсловным.

Специфика тувинских тривербальных конструкций, соответствующих шорским бивербальным, заключается не только в их более сложной лексико-грамматической структуре, но и в большей устойчивости – по сравнению с шорским фольклором – паузальности как маркера степени аналитизма. Если в шорском эпосе сильная межслоговая пауза в условиях утраты внешней межсловной паузы разделяет основной и вспомогательные глаголы ГАК в 77 примерах из 109 (70,6 %), то в тувинском – в 101 примере из 105 (96,2 % выборки), т. е. фактически на всем массиве предложений с ТДАК; сильная межслоговая пауза как рефлекс межсловной значительно сохраннее у тувинцев.

Деепричастный аффикс *-(ы)п* как доминантный показатель степени синтагматизации глагольных аналитических конструкций в тувинской и шорской вербальных культурах демонстрирует тенденцию к выпадению, имеющую свою специфику в каждой из них.

Выводы

Сопоставление процессов утраты аналитизма трехкомпонентными деепричастными конструкциями в двух проявлениях вербальной культуры этноса – в языке тувинской художественной литературы и в звучащих фольклорных текстах – свидетельствует как об активном продвижении их по пути синтагматизации, так и о достаточно прочных позициях аналитизма в ТДАК. Динамичное ослабление позиций речевой паузы в делимитативной функции в языке эпических сказаний компенсируется устойчивостью деепричастного форманта *-(ы)п*. Инновационные процессы преобразования сдерживаются стремлением к традиционности, формальности, консерватизму, свойственным эпической фольклорной традиции.

Результаты сопоставления закономерностей и тенденций развития фонетических преобразований в языках фольклора, играющих важнейшую роль в дописьменной и младодописьменной культуре, с выявленными ранее соответствиями в стандартных языках являются информативным историко-лингвистическим источником для определения общности и специфики фонетических универсалий, соответствующих плану выражения языкового знака в различных репрезентациях вербальных культур и традиций южносибирских тюркских народов.

Список литературы

Дампилова Л. С., Силантьев И. В., Ким И. Е., Кузьмина Е. Н., Шатин Ю. В. Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 9–28.

Кечил-оол С. В. Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 362 с.

Кузьмина Е. Н. Отражение архетипических моделей в «loci communes» героических сказаний народов Сибири // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 18–26.

Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 68 с.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р. Чалканские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2006. Вып. 18: Аналитические структуры в простом и сложном предложении. С. 216–234.

Субракова В. В. Консонантизм ниже-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

Субракова В. В. Консонантизм кызыльского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Абакан: Бригантина, 2017. 172 с.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Добринина А. А., Рыжикова Т. Р. Глагольные аналитические конструкции в шорском фольклоре: специфика фонетических трансформаций // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 68. С. 138–169.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р. Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2007. Вып. 19: Развитие аналитических структур в условиях языковых контактов. С. 87–109.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р. Фонетические преобразования в позициях сандхи в тувинских аналитических конструкциях // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3 (26). С. 230–242.

Шамина Л. А. Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1995. Вып. 2. С. 23–39.

Список текстовых источников

Б-К, Б-Ш – Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей // Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. С. 298–527 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12)

Даржай А. А. Чурттаарын күзезинзе: тоожулар, чечен чугаалар. Кызыл: ТывНУЧ, 1984. 200 ар.

Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева / Отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск, 2015. 318 с.

Сүрүң-оол С. С. Тывалаар куксун. Кызыл: ТывНУЧ, 1994. 349 ар.

Х-К – Хунан Кара // Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. С. 54–297 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12)

Чедыген: Сб. произведений шорской литературы на шорском и русском языках / Сост. Л. И. Чульжанова, Г. В. Косточаков, Л. Н. Арбачакова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 227 с. (Прилож. к журн. «Огни Кузбасса». № 28)

References

Dampilova L. S., Silant'ev I. V., Kim I. E., Kuz'mina E. N., Shatin Yu. V. Universalii verbal'noy kul'tury: v poiskakh obshchego ponyatiya [Universals of verbal cul-

ture: in search of a common concept]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 4, pp. 9–28.

Kechil-ool S. V. *Tipologicheskaya spetsifika konsonantizma sut-khol'skogo govora v sisteme govorov i dialektov tuvinskogo yazyka* [Typological specificity of the consonantism of the Suthol dialect in the system of dialects and dialects of the Tuvan language]. Novosibirsk, "Sova" Publ. H., 2006, 362 p.

Kuz'mina E. N. Otrazhenie arkhetypicheskikh modeley v "loci communes" geroicheskikh skazaniy narodov Sibiri [Reflection of archetypal models in "loci communes" of heroic tales of the peoples of Siberia]. *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 2, pp. 18–26.

Nadelyaev V. M. *Nadelyaev V. M. Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkripsii (UUFT)* [Universal Unified Phonetic Transcription (UFT) Project]. Moscow, Leningrad, 1960, 68 p.

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Ryzhikova T. R. Chalkanskije analiticheskie formy glagola: foneticheskie izmeneniya v pozitsiyakh sandkhi [Chalkan analytical verb forms: phonetic changes in sandhi positions]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2006, iss. 18: Analiticheskie struktury v prostom i slozhnom predlozhenii [Analytical structures in a simple and complex sentence], pp. 216–234.

Shamina L. A. Analiticheskie konstruksii skazuemogo v tuvinskom yazyke [Analytical constructions of the predicate in the Tuvan language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1995, iss. 2, pp. 23–39.

Subrakova V. V. *Konsonantizm nizhne-teyskogo govora sagayskogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspekt* [Consonantism of the Kyzyl dialect of the Khakass language: a comparative aspect]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2005, 28 p.

Subrakova V. V. *Konsonantizm kyzyl'skogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspekt* [Consonantism of the Kyzyl dialect of the Khakass language: a comparative aspect]. Abakan, Brigantina, 2017, 172 p.

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Dobrinina A. A., Ryzhikova T. R. *Glagol'nye analiticheskie konstruksii v shorskom fol'klore: spetsifika foneticheskikh transformatsiy* [Verbal analytical constructions in Shor folklore: the specifics of phonetic transformations]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2020, no. 68, pp. 138–169.

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Ryzhikova T. R. Foneticheskie preobrazovaniya v pozitsiyakh sandhi v tuvinskikh analiticheskikh konstruktsiyakh [Phonetic transformations in sandhi positions in Tuvan analytical constructions]. *Ural-Altai Studies*. 2017, no. 3 (26), pp. 230–242.

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Ryzhikova T. R. Shorskie analiticheskie formy glagola: foneticheskie izmeneniya v pozitsiyakh sandkhi [Shor analytical verb forms: phonetic changes in sandhi positions]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2007, iss. 19: Razvitie analiticheskikh struktur v usloviyakh yazykovykh kontaktov [Development of analytical structures in the context of language contacts], pp. 87–109.

List of sources in the Tuvan language

Boktug-Kirish, Bora-Sheeley. In: *Tuvinskie geroicheskie skazaniya* [Tuvan heroic tales]. S. M. Orus-ool (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1997, pp. 298–527. (Pamyatniki

fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [The monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 12)

Chedygen: Sb. proizvedeniy shorskoy literatury na shorskom i russkom yazykakh [Chedygen: Coll. of works of Shor literature in the Shor and Russian languages]. L. I. Chul'zhanova, G. V. Kostochakov, L. N. Arbachakova (Comps). Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2007, 227 p. (Prilozh. k zhurn. "Ogni Kuzbassa" [Suppl. to the journal "Ogni Kuzbassa"]. no. 28)

Darzhay A. A. *Čurtaarın küzeziŋze: toožular, čečen čugaalar* [If you want to live: novels, short stories]. Kyzyl, TivNÜČ, 1984, 200 p.

Skazaniya shorskogo kaychi V. E. Tannagasheva [Tales of the Shor kaichi V. E. Tannagashev]. E. N. Kuz'mina (Ed. in Ch.). Novosibirsk, 2015, 318 p.

Suruŋ-ool S. S. *Tivalaar kuskun* [The raven speaking Tuvan]. Kyzyl, TivNÜČ, 1994, 349 p.

Xunan Kara. In: *Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya* [Tuvan heroic tales]. S. M. Orus-ool (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1997, pp. 54–297. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [The monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 12)

Информация об авторах

Ираида Яковлевна Селютина, доктор филологических наук, профессор

WoS Researcher ID F-1749-2017

Scopus Author ID 56610310100

Author ID РИНЦ 73674

Азияна Витальевна Байыр-оол, кандидат филологических наук

WoS Researcher ID U-3573-2019

Альбина Альбертовна Добринина, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 56610274200

Information about the authors

Iraida Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor

WoS Researcher ID F-1749-2017

Scopus Author ID 56610310100

Author ID РИНЦ 73674

Aziyana V. Bayyr-ool, Candidate of Philology

WoS Researcher ID U-3573-2019

Albina A. Dobrinina, Candidate of Philology

Scopus Author ID 56610274200